

11 апреля

Александра Александровича БАКАЕВА — академика НАНУ, советника директора Международного научно-образовательного центра информационных технологий и систем

НАНУ и Министерства образования и науки Украины.

12 апреля

Петра Михайловича ГУДЫВОКА — завкафедрой алгебры Ужгородского национального университета.

Мирослава Владимировича ПОПОВИЧА — академика НАНУ, директора Института философии им. Г. Сковороды НАНУ.

13 апреля

Виталия Ивановича СТАРОСТЕНКО — академика НАНУ, директора Института геофизики им. С. Субботина НАНУ.

16 апреля

Ивана Васильевича ПОПЕСКУ — народного депутата Украины.

17 апреля

Надежду Федоровну БОБРОВУ — заведующей детской офтальмологии и микрохирургии Института глазных болезней и тканевой терапии им. В. Филатова АМНУ.

АРХИВ «2000»

Archive

из районов, расположенных в тылу советско-русских войск.

С целью обеспечения интенсивности ведения боевых действий против общего врага ОУН желает, чтобы немцы поставляли ей конспиративным путем боеприпасы, оружие и взрывчатку. Доставка оружия и диверсионных материалов с немецкой стороны через линию фронта в боевые подразделения УПА должна осуществляться по всем правилам конспирации, чтобы не дать повода большевистскому режиму представить оставшихся за линией фронта украинцев как германских пособников и агентов и отреагировать соответствующими акциями по истреблению. Так что уже многократно использовавшиеся (согласно частным договоренностям) вермахтом пути доставки оружия и боеприпасов отдельным подразделениям УПА, действующим за линией фронта, с помощью самолетов с национальными украинскими опознавательными знаками должны быть немедленно отвергнуты. Так как советские русские используют это обстоятельство в своей политике против украинцев.

Поэтому ОУН желает впредь вести переговоры и заключать соглашения лишь централизованно, и что бы партнером по переговорам с германской стороны была по возможности полиция безопасности, так как она знает правила конспирации и

умеет их использовать. В то время как другие инстанции и заведения какими-либо знаниями не владеют, ОУН выражает в этой связи свое удовлетворение тем, что удалось наконец добиться локальных договоренностей между УПА и германской стороной. Поэтому отдала приказ своим подразделениям УПА строго придерживаться этих соглашений, несмотря на большие потери и ощутимые удары, наносимые большевиками в ходе их операций по уничтожению. Чтобы доказать, насколько правильным является требование о соблюдении правил конспирации, ОУН указывает на листовку, изданную нынешним советско-русским правительством в Киеве. Где указывается, что все украинцы независимо от того, являются ли они сторонниками Бандеры или Мельника или остаются вне политики, рассматриваются как советско-русским правительством в Киеве как союзники немцев и соответственно должны подвергаться преследованию и уничтожению.

В качестве уступки полиции безопасности должна предложить ОУН (группа Бандеры) следующее:

1. При полной лояльности украинского движения сопротивления прекращаются аресты.
2. Освобождение из-под ареста всех украинских политических заключенных не может быть предметом переговоров. Во те время полиция безопасности готова освободить отдельных украинцев, всех женщин, детей и заложников, взять на себя гарантии содержать всех остающихся под арестом в тюрьмах и концлагерях в условиях, обеспечивающих необходимое физическое состояние.
3. Что касается освобождения заложников, то ОУН (группа Бандеры) должна предоставить их списки с указанием имен и других данных, так как командующий охранной полицией во Львове не подтверждает случаев ареста заложников, хотя группа Бандеры утверждает обратное.
4. Прекращается всякая травля украинцев.
5. Использование УПА (при условии соблюдения ОУН (группа Бандеры) требований пунктов 1 и 2, регулируется особо (по своему усмотрению) против польских банд вне населенных пунктов и использование УПА в тылу советских войск).

Следующая встреча с Герасимовским должна состояться в субботу

26.03.1944 г. во Львове или в среду 29.03.1944 г. в Перемышле. Г. сообщит точное время встречи подписавшему этот документ по телефону. В конце беседы Герасимовский высказал просьбу к полиции безопасности, чтобы она отпустила из-под ареста фрау Лебидь, ее ребенка и ее родственников и тем самым сделать жест примирения в сторону одного из функционеров Бандеры, ставшего теперь видным деятелем организации. Сейчас он лично, конечно, зол на охранную полицию, а такой жест помог бы сделать его сторонником переговоров между полицией безопасности и ОУН.

Обертурмуфюрер СС и криминалькомиссар (подпись)

IV N-90/44 Львов, 29 марта 1944 г.

Совершенно секретно

Государственной важности

Экземпляр единственный

1. Назначенная на 26 марта 1944 года встреча с Герасимовским не состоялась по служебным причинам (охрана генерал-губернатора). Герасимовский был своевременно оповещен специальным письмом, в котором был указан другой срок встречи — 17.00 27 марта 1944 года в квартире Листы Дубовая улица, 25, кв. 10.

2. Господин начальник приказал во время этой третьей встречи сообщить Герасимовскому, что господин начальник желает побеседовать с ним лично. Герасимовский в этой связи заявил, что он лично не имеет никаких возражений против этой встречи с начальником полиции безопасности, но должен сначала заручиться поддержкой руководства организации. Если будет получено согласие руководства, то встреча с господином начальником состоится в его квартире 28 марта 1944 г. в 17.00. Герасимовский получил согласие и в условленное время незаметно прибыл в частную квартиру господина начальника, где в присутствии подписавшего этот документ состоялась встреча между господином начальником и Герасимовским.

3. Господин начальник начал с заявления, что германские оккупационные власти и особенно охранная полиция с пониманием относятся к борьбе за самостоятельность, которую ведет бандеровская группа ОУН. Именно поэтому от ничего не имеет против пропагандистской, организационной и подготовительной

Редакция «2000» продолжает публикацию уникального собрания секретных и совершенно секретных документов различных государственных учреждений Третьего рейха, имеющих непосредственное отношение к событиям истории Украины. Начало публикации см. в №7.

(Начало документа в №10 (405), стр. 5)

IV N-90/44 Львов, 24 марта 1944 года

Совершенно секретно

Государственной важности

Экземпляр единственный

Донесение.

Начало второй встречи с Герасимовским задержалось в связи с тем, что Г. по неизвестным причинам ездил в Снятин и на обратном пути из Снятина во Львов задержался дольше обычного из-за перегрузки Восточной железной дороги воинскими эшелонами вермахта. Задержка была вызвана еще и тем, что он не имел возможности связаться из-за отсутствия посредника Боллуха во Львове. Это ему удалось лишь 23.03.1944 г. через украинца Мудрого. Встреча с Герасимовским была назначена на 15.00 23.03.44 г., в квартире Мудрого по ул. Войтовская, 8/1.

В начале беседы Герасимовский констатировал, что по всем вопросам, которые он обсуждал со мной на первой встрече 6.03.1944 г. в его организации существует полная ясность, что все в отдельности обговоренные пункты окончательно принимаются. ОУН ожидает от этих соглашений с полицией безопасности очень многого как для самой организации, так и для дальнейшего развития (ситуации) на территории всей Украины, но прежде всего с точки зрения нынешней обстановки и организации совместной борьбы с заклятым врагом — большевизмом. В руководстве ОУН убеждены, что и полиция безопасности со своей стороны готова и уполномочена признать важность и принять решение по всем пунктам, обсуждавшимся на первой встрече.

там, обсуждавшимся на первой встрече.

Так как на донесение господина начальника от 13.03.1944 г. начальнику полиции безопасности до сих пор не поступило никакого решения ни от начальника, ни от начальника охранной полиции, то с целью поднятия авторитета полиции, а также учитывая то обстоятельство, что бандеровская группа ОУН со всей очевидностью выразила готовность пойти на соглашение с полицией безопасности и сотрудничать с ней, было бы, на мой взгляд, нецелесообразно заверить Герасимовского и его организацию в нашей готовности к соглашению. Именно поэтому в донесении господина командира начальнику полиции безопасности я от его имени изложил приемлемые, по его мнению, требования к ОУН и возможные уступки со стороны полиции безопасности по некоторым обсуждавшимся вопросам. И, несмотря на очевидное стремление моих партнеров по переговорам к реализации практических мер, настаивал на необходимости еще раз обговорить все уже обсуждавшиеся вопросы с тем, чтобы посягать сомнения, требующие повторного обсуждения в высших инстанциях с обеих сторон.

В частности предлагается следующее:

1) ОУН готова немедленно прекратить всякую деятельность, наносщую ущерб германским интересам и всякий террор против поляков.

Что касается террора против поляков, то ОУН заведомо согласилась передать в ведение полиции безопасности решение всех вопросов, связанных с польскими провокациями и террористическими актами в селах и городах.

ОУН со своей стороны будет предоставлять полиции лишь информацию и доказательства о провокациях и террористических актах и спокойно ждать, пока полиция безопасности примет необходимые контрмеры.

Что касается провокаций на местности, вне населенных пунктов, в лесах и т. п., то изложенный выше порядок урегулирования неприемлем, так как в этом случае ответный удар или акт возмездия по польской банде, совершавшей преступления против украинцев, явно опоздает и окажется вообще невозможным. И банды, используя свою подвижность и независимость от определенных

населенных пунктов, уйдет безнаказанно, если ОУН станет сначала передавать информацию о появлении, численности и вооружении польской банды в охранную полицию, а затем ждать разрешения на боевые действия против этой польской банды. Пока будет передаваться информационный материал и разведданные, уйдет столько времени, что банды успеет оставить свое первоначальное место и исчезнуть, не рискуя получить ответный удар.

Поэтому ОУН (группа Бандеры) считает, что ей должно быть позволено своими силами вести боевые действия против польских банд, действующих вне населенных пунктов, и дать твердые гарантии, что борьба будет вестись исключительно против польских банд и ни в коем случае не будет распространяться на проживающих в данной местности поляков или на прилегающие польские деревни, не имеющие ничего общего с бандой. После каждого боя с польской бандой ОУН готова предоставлять доказательства, что эта банды совершила преступление против украинцев и сообщать, как и при каких обстоятельствах с ней были сведены счеты.

2) ОУН (группа Бандеры) обязуется предоставлять в распоряжение полиции безопасности все разведданные о большевизме, коммунизме и польском движении сопротивления. Кроме того, ОУН готова сотрудничать с немцами во всех военных областях, которые окажутся необходимы в борьбе против общего врага (большевизма). ОУН будет вводить в действие свои боевые отряды в тылу советско-русских войск с задачей наносить ущерб советско-русской системе подвоза и снабжения, тыловым базам, центрам снабжения оружием и снаряжением, складам и пр. путем проведения активных диверсионных актов, оказывать пропагандистское воздействие на Красную армию, направленный против ее боевой мощи, но прежде всего наносить максимальные физические потери органам НКВД путем постоянного террора. Кроме того, оно будет использовать все возможные пути и средства (радио, курьеров) для передачи в немецкие руки сведений военного и политического характера

Данило Самойлович — укротитель чумы

Данило Самойлович родился в деревне Яновка Черниговской губернии в конце 1744 г. в семье священника. Настоящая фамилия будущего ученого — Сушинский, но по обычаю украинских семинаристов он имел прозвище и назывался Самойловичем в честь своего отца.

В ноябре 1761-го юноша поступил учеником в госпитальную школу при Петербургском адмиралтейском госпитале, где изучал анатомию, хирургию, внутренние болезни, лекарства, и в 1765 г. окончил ее со званием подлекаря. В 1767 г. его произвели в лекари и направили в Копорский полк. Вскоре Самойлович принял участие в войне с Турцией, а в июне 1771-го, «выключенный за болезнью» из полка, приехал в Москву, где в это время свирепствовала эпидемия бубонной чумы. Уже к октябрю в городе умерло около 40 000 человек. Самойлович идет работать в карантинный дом. Современники свидетельствуют, что он, «когда никто добровольно не хотел в опасную болыницу пойти, по собственному желанию, будучи еще и сам в слабом здоровье, из усердия и ревности к Отечеству, принял на себя пользование язвенных и всю при том сопряженную опасность». Наступающий голод окончательно настроил население против представителей военной и административной власти города.

Народное недовольство вылилось в печально известный «Софийн день» — чумной бунт в Москве 16—17 сентября 1771 г. В тот день архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский) приказал запечатать сундук по сбору даяний иконе Боголюбской Богоматери и перенести ее от Варварских ворот в более просторное место. Разъяренная толпа с криками «грабят Богородицу» бросилась в Чудов монастырь, и не найдя там архиепископа, разбила и выпила винные склады. Его нашли в Донском монастыре, вытащили за волосы из хоров над алтарем. Разрешили приложиться к образу Донской Богома-

тери и «близ двух часов били дубьем до смерти... отрубя несколько от головы, чья часть над глазом и осталась висящею». В тот день толпа пьяной черни разбила два карантинных дома и угрожала смертью докторам, среди которых был и лекарь Самойлович. Ужасы российского бунта — «бессмысленного и беспощадного» навечно врезались в его память. Была создана специальная комиссия по борьбе с чумой, и Самойловича ввели в ее состав, поручив испытать специальные порошки для окуривания помещений и вещей больных.

Самойлович начинает проверку себя: окуривает и носит одежду зачумленных, спит на их окуренных постелях. При этом он настолько сильно обжигает себе руки, что «знаки как бы рывтин и разрывов оставались на них по смерть его». Он работает поочередно в трех чумных госпиталях. В тесноте сводчатых монастырских палат ухаживает за больными, исследует их пульс, вскрывает им чумные бубоны (опухшие лимфатические железы). Вокруг него умирают лекари и подлекари. Из 15 помощников остаются в живых только трое. Самойловичу только «нemo жется». Постепенно приходит понимание, что он переболел легкой формой чумы, заразившись гноем через трещины и ссадины на руках. После ликвидации чумы в Москве Самойлович получает чин коллежского асессора и зачисляется штаб-лекарем московских департаментов Сената. Но достигнутое положение его не удовлетворяет. Самойлович планирует получить степень доктора медицины, «докторского градуса», как тогда говорили.

В 1776 г. он выходит в отставку и уезжает в Страсбург. Тему для диссертации он выбрал из области оперативного акушерства. Одновременно с основной работой Самойлович публикует в России через издателя Н. И. Новикова две популярные книги «для народа» по акушерству и лечению от бешенства. В 1780-м в Лейдене (Голландия) он успешно защищает диссертацию на тему сравнения двух операций при невозможности нормальных родов из-за узкого

таза и получает долгожданную степень доктора медицины. У него возникает замысел написать книгу, изложив в ней практические взгляды на борьбу с чумой, основанные на личном опыте. Свой труд Самойлович пишет в Париже на французском языке. Среди рекомендованных им мер борьбы наибольшее внимание европейских ученых привлекло его смелое предложение прививать бубонную чуму тем, для кого соприсношение с больными неизбежно. В то время под прививками понимали введение в организм ослабленного заразного начала и применяли этот далеко не безопасный способ, названный вариоляцией или инокуляцией, несмотря на риск, для борьбы с оспой, втирая в надрез на коже капельку гноя из оспенного пузырька больного.

Самойлович по аналогии с оспенными прививками предлагает проводить инокуляцию бубонной чумы, т. е. прививать гной из чумных бубонов «тем лицам, на коих возлагается долг присмотра в язвенных больницах». Он исходит из твердой уверенности, что бубонная чума не поражает дважды во время одной эпидемии, и справедливо полагает, что тот, «кто будет привит, не будет больше болен и протянет руку помощи всем тем, кто в ней нуждается». Свои убеждения Самойлович доказывает на примере 80 вылеченных им больных, которые остались работать с ним в чумном госпитале. Никто из них не заболел вторично. Самойлович предлагает брать гной для прививки только из созревших бубонов. Уже в 1783 г. он вполне сознательно говорил, что для предупреждения заболевания чумой надо вводить в организм человека ослабленное «заразное начало».

Работа над книгой занимает несколько лет. До ее выхода в свет выдвинутые в ней основные положения Самойлович высказывает в нескольких брошюрах, которые расходятся для ознакомления известным врачам и научным обществам Европы. В непродолжительное время о его труде заговорили ученые Франции, Германии, Италии. 16 января 1783 г. он посылает в Санкт-Петербург

письмо с просьбой принять его в члены академии, с приложением к нему четырех своих сочинений. Его мотивация такова: «Я почти для себя стыдом состоять членом нескольких иностранных академий, не будучи членом той, на которую я могу претендовать более, чем на какую-либо иную». Ему даже не потрудились ответить.

В августе 1783-го книга «Записка о чуме, которая в 1771 году поразила Российскую империю и в особенности — Москву» выходит в Париже. На титульном листе значатся почетные звания научных учреждений разных стран Европы и скромные российские: «коллежский асессор, штаб-лекарь Сената, член комиссии по борьбе с чумой в Москве».

В декабре 1783 г. Самойлович возвращается в Россию. В столице его ждет прохладный прием, он долго не получает назначения и даже подумывает о возвращении за границу. Но борьба с чумой ведется по старинке: в городе непрерывно жгут костры-курювища, чтобы «посредством дыма и пара сколько-нибудь отнять у зараженной атмосферы злокачественную силу». Это, естественно, не помогает. В таких условиях Потемкину чрезвычайно полезен человек, имеющий опыт в борьбе с чумой, и он приглашает Самойловича.

Он приезжает в Херсон в мае 1784-го и принимается за дело: улучшает устройство карантинных, изолирует заболевших, проводит дезинфекционные мероприятия и быстро справляется с эпидемией. Потом он переезжает в Кременчуг и в чумном госпитале до 1787 г. занимается микроскопическими исследованиями, стараясь найти возбудителя чумы. Свои наблюдения он публикует во

французском журнале и отдельной книгой в России в 1787 г.

В августе 1787 г. началась вторая российско-турецкая война, и Самойлович отбыл на театр военных действий под начальство Суворова. В его ведении находятся госпитали и полковые лазареты. В сражении на Кинбуржской косе Самойлович на поле боя оказывает первую помощь раненому в грудь и руку Суворову. В том бою выбыло из строя около тысячи российских солдат и офицеров. Из них только 141 человек умер от ран и 77 после выздоровления оказались негодными к военной службе. Столь малое число жертв... Благодаря стараниям Самойловича.

В 1788-м Самойлович руководил большим военным госпиталем на 400 человек, организованным недалеко от Николаева в деревеньке Витовка. В нем с июля 1788-го по май 1790 г., по словам Самойловича, «на его руках» побывали 16 тыс. военнослужащих, «тягчайшими болезнями одержимых». Из них более 14 тыс. человек выздоровели.

Но в 1790 г. Самойловича неожиданно уволили и он уехал на родину, в Черниговскую губернию. Современники предполагали, что он подвергся опале за свои граничные связи после французской революции 1789 г. Только в декабре 1792-го его вызывают в Москву, присваивают чин коллежского советника, жалуют почетным членом Медицинской коллегии, Санкт-Петербургского вольного экономического общества и зачисляют на службу врачом Московского госпиталя.

Но в Москве он живет недолго. После очередной вспышки чумы на Черноморском побережье Самойлович назначает главным доктором «учрежденных карантинных в Екатеринославской и Вознесенской губерниях и Таврической области», и он уезжает на юг.

Тут он шесть раз встречается с эпидемией «моревой язвы» и успешно ликвидирует ее: в 1796-м — в Тамани, в 1797-м — в Одессе и около Каменца-Подольского, в 1798-м — в Дубоссарах, в 1799 г. — в Кафе (Феодосия) и неподалеку от Елисаветграда.

Данило Самойлович

В 1798 г. он в последний раз излагает на бумаге «плоды своей опытности, трудов и размышлений». Книга полностью посвящена выстраданной им системе мероприятий по предупреждению и ликвидации эпидемии чумы. Примером служат его личные успехи на этом поприще, наконец-то по достоинству оцененные правительством. Свой труд он дописывает в 1799-м, издает в 1802—1803 г. Некоторое время Самойлович продолжает врачебно-административную работу, но вскоре и ее прекращает. Годы жизни в «высшем градусе кнеления» берут свое. 20 февраля 1805 г. Данило Самойлович Сушинский (Самойлович), «ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКИЙ СОВЕТНИК, МЕДИЦИНСКИЙ ДОКТОР, ГОСУДАРСТВЕННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ КОЛЛЕГИИ ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН, ЧЕРНОМОРСКОГО МЕДИЦИНСКОЙ УПРАВЫ ИНСПЕКТОР, ОРДЕНА СВ. ВЛАДИМИРА 4-Й СТЕПЕНИ КАВАЛЕР, ИМПЕРАТОРСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ЧЛЕН РАЗНЫХ КОРОЛЕВСКИХ АКАДЕМИЙ, ИНОСТРАННЫХ: ДИЖОНСКОЙ, НИМСКОЙ, МАРСЕЛЬСКОЙ, ЛИОНСКОЙ, ТУЛУЗСКОЙ, МАЯНСКОЙ, МАНГЕЙМСКОЙ, ТУРИНСКОЙ, ПАДУЙСКОЙ, ПАРИЖСКОЙ ХИРУРГИЧЕСКОЙ, ТАМОШНЕГО ЖЕ ВОЛЬНОГО УЧЕНОГО СОБРАНИЯ И НАНСИНСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ КОЛЛЕГИИ», умер в Николаеве от «жесточкой желчной горячки, сопряженной с холерическими припадками».

Юрий ЯЦКЕВИЧ